

«Анна на шее»

Это интервью было взято несколько лет назад, но опубликовано только за рубежом. Сегодня, когда Аллы Дмитриевны Ларионовой уже нет с нами, мы — с позволения автора — перепечатаем его.

«Я была нескладная, неотесанная»...

вать в пьесе Зощенко «Коварство, деньги, любовь». Мы объездили множество городов, и везде прием был замечательный, с цветами и благодарностями.

— «Анна на шее» была вашей первой работой в кино?

— Нет. Первой картиной была сказка «Садко», где я сыграла невесту Садко — Любаву. Птушко, режиссер этого фильма, получил в Аргентине «Золотого льва» за эту работу. Сергей Столяров играл в нем главную роль, он стал моим первым партнером. Я его помнила по фильму «Цирк», где он работал в паре с Любовью Орловой. Девчонкой я бегала смотреть на него вместе с подружками... Он жил в моем районе, был красивым голубоглазым былинным богатырем. Кто мог подумать, что я буду сниматься с ним?

— Снимаясь в «Садко», вы уже учились во ВГИКе?

— Да. Но еще раньше я была «отравлена» кино. История банальна... На улице ко мне подошла женщина и спросила: «Девочка, хочешь сниматься в кино?». И я стала сниматься в массовке. А во ВГИК меня Сергей Аполлинариевич Герасимов никак не хотел принимать. Я была крупная, нескладная, как обрубок, курносая, неотесанная, две косы торчали в разные стороны. Тамара Федоровна Макарова уговорила его. «Посмотри, — сказала она, — какая девочка — беленькая, русская...».

— Но вас считали одной из самых красивых актрис...

«Анна на шее»

— Это дело вкуса... Видимо, меня записали в красавицы после фильма «Анна на шее». Я была красиво одета, причесана. Украшения, шлейф... Фильм пользовался большим успехом и у нас, и за рубежом. Я представляла картину на многочисленных фестивалях, и тогда пришел грандиозный успех. Всегда, ког-

да фильм повторяют по телевидению, у меня раздается масса звонков. Я каждый раз переживаю это как премьеру... Недавно показали «Весну на Заречной улице», где снимался мой муж Николай Рыбников. Перед фильмом были сказаны нежные слова о нем, обо мне, о нашей семье. Мне звонила вся Москва. Люди плакали, особенно близкие, друзья. Была очень трогательная передача.

— Вы познакомились во ВГИКе?

— Да, мы учились на одном курсе. Я в него была влюблена, а он меня не замечал. Ему нравилась другая девушка. Он тогда на курсе играл Жюльена Сореля в постановке «Красное и черное», затем Петра Первого... После его исполнения Петра Герасимов стал мечтать о кинопостановке. И осуществил ее через много лет, правда, с другим актером. Но Коля был неповторим, он был событием. Это было самое точное попадание на роль! Все критики писали о нем.

— Вы такие разные...

— Наверное, противоположности и тянутся друг к другу. Мы прожили вместе 34 года, часто расставаясь по работе... И каждая наша встреча была как заново...

— У вас было много поклонников? И как он это переживал?

— Да, у него тоже было много поклонниц, особенно после фильмов «Высота», «Девчата», «Весна на Заречной улице». В последнее время он очень изменился внешне, но его все равно узнавали. Я очень тяжело переживаю его утрату, даже квартиру поменяла. Психологически очень трудно находиться в прежней квартире. И мама у меня умерла недавно. Она с нами жила. Ей было уже 92 года. Она видела царя Николая, хоронила Ленина, служила в бригаде Котовского. Биография легендарная.

— А ваши дочери не пошли в артистки?

— Нет. И мы с Колей были очень рады. Они обе снимались еще в детстве. Понохали кинематографического пороку. У них нормальные, неискверканные судьбы.

— Говорят, самые красивые женщины — самые несчастные. Кажется, к вам это неприменимо. Ваша судьба — счастливая?

— У каждого судьба складывается по-разному... Прошло много лет, а я все думаю: когда был мой звездный час? Когда я ходила в красавицах? Я не хочу разочаровывать людей, которые меня знают, помнят и, надеюсь, еще любят. Стараюсь и сейчас поддерживать свой «имидж». Я получала много писем, в которых меня спрашивали, не дочка ли я Аллы Тарасовой. Я отвечала, что общее у нас только имя. «Но

я хочу быть такой же талантливой актрисой, как Алла Константиновна», — отвечала я в письмах. Однажды в Кремле, в Георгиевском зале был прием. Среди приглашенных я увидела Аллу Тарасову. Мы с ней не были знакомы. И вдруг она подошла ко мне и сказала: «Здравствуй, доченька!» Я ответила: «Здравствуй, мамочка». Об этом я рассказала своей маме. Оказывается, моя мама очень любила эту актрису и, когда была беременна мной,

С Николаем Рыбниковым

ходила на ее спектакли. Кто знает, может быть, в этом что-то есть...

— Вы снимались с замечательным артистом Эрастом Гариным...

— Да, в фильме «Ведьма»! Там же снимался и Коля Рыбников. С Гариным сложно было играть... Он был очень смешной. Я не могла сниматься — как только смотрела на него, начинала смеяться. Режиссер выгонял меня со съемочной площадки, говорил: «Ты не артистка». На Гарина невозможно было без смеха смотреть: грязная заплетенная косица, удивленные глаза. Как только он произносил: «Ведьма ты», — никто в группе не выдерживал, все смеялись, смахивая слезы. Я уходила из павильона. Старалась собраться, но только подойду к Гарину, думаю — смогу работать, взгляну на него и опять смеюсь.

— А он как?

— Никак. Он сидел с самым серьезным видом. Он вообще не очень общительный был. Не любил разговаривать. Меня потрясло, что он запомнил такие огромные чеховские монологи, ничего не забывал. Судьба подарила мне знакомство с этим удивительным, талантливым человеком.

— Какие картины вам наиболее дороги?

— Наверное, все: и «Анна на шее», и «Садко», и «Двенадцатая ночь», и, конечно, самые первые, дипломные работы во ВГИКе.

Интервью подготовила Надежда РЕПИНА

Алла Дмитриевна Ларионова

19.05.00г